

Я не знаю, что происходило в это время снаружи, но внутри... стенки нашей клетки стремительно сужались, буквально вплющивая нас с Тсуной в друг друга. Боль и ощущение беспомощности, накатывающая волнами паника — вот что испытывали мы обе. В какой-то момент все смешалось и мы, ведомые инстинктами, рванули навстречу друг другу, и без того истонченная моими бесконечными попытками преграда начала трескаться и... и исчезла совсем, краткий миг облегчения, а после наши чувства и воспоминания стали смешиваться, резонируя и усиливаясь, а барьер решил сделать последний рывок и скачкообразно уменьшился, не давая времени на плавное слияние. Правда, после я ощутила, что что-то пошло не так и стенки барьера хрустнули, однако они выдержали, лишь чуть-чуть прогнулись, поэтому меня окружал не куб, а бочкообразное нечто. Хотя на прочности образования это никак не сказалось.

Впрочем, невозможность понять кто я, сестра двух братьев-близнецов или Тсунаеши, волновала меня в последнюю очередь. Ощущение от сковавшего меня барьера были хуже, чем в метро в час пик или маршрутке-малолитражке, что едет раз в день из города в ближайший поселок. Этот барьер явно не был рассчитан на две души и должен был сковать, не позволяя развиваться, одну-единственную, а тут такой нежданчик, у ребенка оказалось их несколько. Плюс еще его стенки обжигали то холодом, то нестерпимым жаром, сознание стало меркнуть, как и попытки сопротивления. Однако что-то внутри меня воспротивилось самому простому решению моей проблемы, где-то в глубине моей еще недослившейся сущности разгоралось Пламя, очень похожее на то, что не так давно вызвали мы, дабы отпугнуть соседскую собачонку.

Сильное, необузданное, оно пропитывалось моей болью и паникой, чтобы достигнув критической отметки, рвануть в разные стороны, стараясь уничтожить угрозу нашему существованию. Нахлынуло на стенки, по которым пробежалась сеть тоненьких трещин, и вернулась назад, чтобы через пару секунд опять повторить попытку. И так раз за разом, становясь все слабее и выдыхаясь, но и барьер был уже слаб. Последний удар, и он с тихим звоном оседает осколками на пол, а Пламя возвращается назад, постепенно затухая и оставляя после себя ощущение тепла в районе солнечного сплетения. Ну, а я ощущаю дикое облегчение и проваливаюсь в ставшую уже привычной темноту, понимая, что так надо и так правильно.

Не знаю, сколько я пробыла в ней в этот раз, но проснулась я в больнице, в окружении пиликающих приборов и дикой слабостью в теле. Стоп, теле? Не веря в происходящее, резко принимаю сидячее положение, точнее, пытаюсь принять. Неудачно, тело пронзает импульсом

боли, что убеждает меня в реальности происходящего, а стоящие вокруг приборы начинают надрывно пищать. Головная боль нарастает и вот в палату вбегает целая куча людей в белых халатах. Кто-то из них что-то мне колет, и я опять соскальзываю в спасительное забытие.

Следующее мое пробуждение было уже более легким. Тело было слабым и неудобным, как будто я надела одежду на пару размеров меньше, но в целом, состояние было терпимым. Особенно радовало еще и то, что теперь я точно знала кто я. Имя Савада Тсунаеши стало родным, как и ее мать, а вот отец... мы обе к нему относились предвзято, вот и получилось, что Иемицу оказался в пролете и объединенное я воспринимало его, как постороннего дядьку, не более. Это та часть меня, что раньше была Тсуной, ни капельки не расстраивало, ведь последний год он стал появляться все реже и реже, так что в последний его приезд дите само было неуверенно в том, что правильно помнит черты лица своего бати.

— Тсу-чан! — в распахнувшиеся двери палаты влетела мама, да? Я уже не воспринимала ее по-другому, это была именно моя мама. Она заплакала и обняла мое обессиленное тельце, продолжая бормотать. — Тсу-чан, теперь все будет хорошо.

— Ка-чан, я тебя люблю, — обнимаю ее и говорю те слова, что давным-давно хотела сказать одна из моих частей. Впрочем, я внезапно поняла, что это глупо делить себя на какие-то части, их больше нет, а есть я, носящая имя Савада Тсунаеши. — Очень-очень сильно!

— Тсу-чан? — удивилась, отстраняясь ка-чан, а после счастливо разулыбалась и обняла меня еще крепче. — Я тоже тебя очень и очень люблю!

— Ка-чан, а то-сан приедет? — я не знаю сколько мы просидели обнявшись, но стоило Нане отстраниться, как я задала волнующий меня вопрос. Что-то внутри меня уверенно говорило, что ему лучше не знать, что техника не сработала, пусть лучше считает, что я просто заболела, но барьер не был разрушен. Я верила этому голосу, но единственным источником информации была именно мама. Не бог весь что, но все-таки...

— Нет, извини, Тсу-чан, у него много работы, но он передавал тебе... — дальше я уже не

слушала и просто кивала, искренне радуясь, что у меня появилось время привыкнуть к телу, а главное придумать, как жить дальше, ведь возможности вернуться у меня нет. — ...хорошо? — донеслось до меня, и, выплыв из своих далеко не радужных мыслей, я наткнулась на заботливый взгляд Наны.

— Угу, ка-чан, я хочу спать, — не помню, что она мне говорила, но железобетонная уверенность, что мама никогда не сделает мне ничего плохого, заставляет меня согласиться не раздумывая.

— Ой, точно! Прости, Тсу-чан, — только сейчас, смотря на засуетившуюся вокруг меня Нану, помогающую лечь поудобней и подтыкающая углы одеяла, я поняла, что не соврала, я и правда хотела спать. — Отдыхай... — ее голос становится тихим, так что я скорее угадываю по губам ее следующие слова, чем по-настоящему их слышу, — ...и не волнуйся, я ему ничего не скажу, Дон не узнает.

Впрочем, я не уверена, что последние слова мне не пригрезились, ибо в следующее мгновение она уже начала рассказывать, что в следующее свое посещение принесет мои любимые сладости, но много их не даст, лечащий врач запретил и тут же уточняла, не обижусь ли я из-за этого? Бурчу что-то неразборчивое, что одинаково можно принять за согласие и за отрицание, но, кажется, Нане большего и не надо, она вполне довольна тем, что есть, ну а я и подавно. Правда, хочется еще подумать над тем, что за игру ведет уже моя мать, но с другой стороны, угрозы я не ощущаю. Да и виденное мной еще во время разделения позволяет со стопроцентной точностью сказать, что она свою дочь любит и в обиду не даст, поэтому присутствие и голос Наны дарили спокойствие и расслабленность.

Успокоено вздыхаю и под ее мерный щебет начинаю погружаться в сон, чтобы в следующий раз очнуться в пустой палате, но уже другой, тут нет противно пищущих приборов и у меня из руки не торчат иголки. Попытки встать на ноги ничего не дали, тело не слушалось, и я полетела прямиком на пол. Ну, хорошо хоть капельницу у меня убрали, пока я спала, а то отбитыми руками и коленями я бы не отделалась. Тихо подвывая от обиды и боли, осторожно хватаюсь за кровать и медленно стараюсь подтянуться. С огромным трудом мне удастся заползти на кровать, чуток передохнуть и подползти к спинке кровати, а после перевернуться с живота на спину и, пользуясь спинкой, как опорой, сесть. На меня мгновенно нападает дикая слабость, и я едва успеваю направить свое падение так, чтобы не свалиться с кровати, но вот носом в далеко не мягкий матрас я впечаталась, а главное, сил шевелиться у меня не осталось! Внезапно раздается звук раздвигаемых дверей, удивленный вскрик и быстрый топот ног.

— Тсунаеши-чан, тебе не следовало вставать! — меня довольно мягко подхватили под грудь и легко подняли, чтобы в следующую секунду устроить на подушках.

— Простите... — внимательно смотрю на невысокую русоволосую девушку... вернее уже пусть и молодую, но женщину лет тридцати, которая мне помогла, кстати, у нее слишком нетипичная для японки внешность. Слишком уж она светлая, да и голубые глаза... я бы скорее приняла ее за россиянку, но отсутствие акцента убеждает меня в обратном. Взгляд падает на беджик, что был прикреплен к ее груди, но, к сожалению, японский письменный я не понимала, поэтому замялась, не зная, как ее назвать.

— Канаме, — приятная улыбка появилась на губах женщины, — меня зовут Мисуми Канаме, я медсестра.

— Канаме-сан, а сколько сейчас времени? — мгновенно оживилась я, а моя усталость отступила на второй план, вперед вышло поистине детское любопытство. — А сколько я была без сознания? А...

— Стоп! — прервала поток моих вопросов Мисуми и рассмеялась. — Я отвечу на них, но вначале тебе следует поесть.

Вторя ее словам, мой желудок раздает весьма громкое бурчание.

— Простите, — кажется, у меня краснеют даже волосы, но медсестра лишь добродушно улыбнулась.

— Ничего страшного, Тсунаеши-чан! — заверяет она меня, но мне не нравится полное звучание моего имени, меня так звал тот дедуля, из-за которого я и оказалась в больнице, да и Нана, когда я что-нибудь делала не так, как надо. — А сейчас...

— Тсуна, — перебиваю я ее.

— Что? — удивилась сбитая с толку Канаме.

— Зовите меня Тсуна, мне не нравится, когда говорят мое полное имя, — пояснила я и поежилась. — Сразу кажется, что я в чем-то провинилась.

— Ха-ха-ха, как скажешь, Тсуна-чан, — согласилась со мной Мисуми. — А теперь посиди здесь немного, пока я схожу за едой.

— Хорошо, — киваю с серьезным видом, мысленно негодуя, ведь если судить по моему состоянию, встать и куда-то уйти, мне просто не по силам, вот чужие слова и кажутся скорее издевательством.

Правда, извести себя подобными мыслями я не успела. Канаме вернулась очень быстро, при этом она еще и несла небольшой поднос, на котором стояла дымящаяся чашка, судя по донесшемуся до меня запаху, это был куриный бульон, стакан с водой и кучка каких-то порошков с таблетками. Навскидку я насчитала пять таблеток и три брикетика с порошочком, причем белым и даже на вид невесомым. Как-то у меня сразу пропало все желание его попробовать, да и бульон стал казаться подозрительным. Желудок, конечно, хотел что-то вякнуть против, но воля пока была сильнее.

— Не волнуйся, это аскорбинка, — перехватив мой подозрительный взгляд, пояснила Мисуми.

— А почему их три? — ее слова не уменьшили во мне подозрительности, но немного успокоили.

— Нууу, она вкусная, вот я и решила принести ее побольше, — обезоруживающая улыбка на меня не подействовала, я по опыту общения с братьями знала, как опасно много витаминов есть. Благо, тогда я вовремя заметила пропажу, так называемых «тех вкусных шариков» и вызвала врачей, тогда отделались простым промыванием, а могли и серьезно отравиться.

— Не хочу, — отворачиваюсь от подноса, хотя живот старательно выводит рулады. Нет, я не ощущаю угрозы, но пить непонятно что я не собираюсь.

— Тсуна-чан, это лекарство и его надо выпить после еды, — поднос аккуратно приземляется на тумбочку, которую я до этого благополучно не заметила, Канаме осторожно берет чашку с бульоном и подносит к моим губам полную ложку.

— Все лекарства горькие, — с твердой убежденностью заявляю Мисуми, но вот протянутую ложку опустошаю.

— Эти не горькие, — тяжело вздохнув и явно приготовившись мне доказывать свою правоту, заявила Канаме, при этом не забывая запихивать мне в рот полные бульона ложки.

— Не верю, — с детским упрямством отрезаю я и слышу, как опять открывается дверь и в комнату входит Нана, неся полный пакет фруктов и чего-то еще.

— Тсу-чан, в чем дело? — мягко интересуется она у меня. — Я с того конца коридора слышала ваш спор.

— Не так уж и громко мы болтали, — обиженно надуваюсь, но, увидев ласковую улыбку мамы, мгновенно улыбаюсь в ответ.

— Ну, так все же? — опять интересуется мама, а после, переводит взгляд на медсестру и добавляет. — Мисуми-сан?

— Ваша дочь отказывается пить лекарства после еды, — спокойно отзывается медсестра, впихивая в меня последнюю ложку бульона, которую я с трудом проглотила, ощущая себя шариком, который в любой момент может лопнуть.

— Тсу-чан, ты же хочешь поправиться? — осторожно поставив пакет на стул, поинтересовалась у меня Нана и, получив мой кивок, мягко, но непреклонно заявила. — Тогда ты должна их выпить.

— Ну, хорошо, — согласно киваю я, понимая, что никуда от этого не отвертеться, да и вряд ли моя мама хочет нанести мне вред.

Продолжение следует...

<http://tl.rulate.ru/book/55953/1426705>